

УДК 101.9; 113 / 119

П. С. Карак

*д-р филос. наук, проф., проф. каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета
e-mail: kafedra628@gmail.com*

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕЧЕНИЯ В РУССКОМ КОСМИЗМЕ

Раскрываются особенности воззрений П. А. Флоренского на природу и биосферу Земли, их космическую выраженность. Выявляется религиозное содержание его космизма. Подчеркивается роль космических идей В. И. Вернадского в становлении космизма П. А. Флоренского. Обращается внимание на сходства и различия духовных исканий этих мыслителей. Делается вывод о причастности Флоренского к религиозно-философскому течению русского космизма.

Введение

В системе русского космизма значимое место занимают представления П. А. Флоренского (1882–1937), религиозного мыслителя и ученого-энциклопедиста. Он внес вклад и в обоснование русского космизма, его религиозно-философской ветви. Однако до настоящего времени космизм этого мыслителя не получил должного освещения в философской литературе. Так, в книге «Русский космизм: Антология философской мысли» (1993) опубликованы сокращенный вариант статьи Флоренского «Органопроекция» (1919), которая не имеет отношения к космизму, и его письмо В. И. Вернадскому (1863–1945) от 21.IX.1929. Но не каждому читателю этого письма будет понятен космизм его содержания. В труде «Грезы о земле и небе: Антология русского космизма» (1995) помещен отрывок из книги Флоренского «Детям моим. Воспоминания прошлых дней» (1916–1925) под названием «Особенное». В нем изложены заметки автора о природе Кавказа и некоторые его детские восприятия окружающего мира.

Космические воззрения Флоренского не стали предметом исследования и освещения и современными философами. Например, в четвертом томе «Новой философской энциклопедии» (М., 2001) в статье «Флоренский П. А.» не сказано ни слова о его причастности к русскому космизму. В весьма обширной сводке сведений о приверженцах этого течения русской мысли, которые содержатся в труде Б. М. Владимирского и Л. Д. Кисловского «Путиями русского космизма» (2011), приводятся только несколько положений из упоминавшегося письма Флоренского Вернадскому.

Все отмеченное свидетельствует о наличии существенного пробела в постижении одной из важных сторон теоретического наследия видного представителя русской мысли – П. А. Флоренского. На ликвидацию этого пробела и ориентирована настоящая статья. При этом первостепенное значение будет иметь выявление истоков и внимания Вернадского к Флоренскому.

П. А. Флоренский – «сильная и оригинальная личность» (В. И. Вернадский)

В 1900–1904 гг. Флоренский был студентом физико-математического факультета Московского университета. Лекции по курсу «Минералогия» студентам этого факультета читал профессор В. И. Вернадский. Он принимал и экзамен по данному курсу у студента Павла Флоренского. Так началось их знакомство, а потом и дружеские отношения, длившиеся до дня гибели Флоренского в 1937 г. После окончания университета Флоренский продолжил свое образование в Московской духовной академии, а по завершении обучения (1908) стал там преподавателем философских дисциплин. С этого времени начинается и становление его как религиозного философа. В 1911 г. он принял

священство. Его искания в области религии и философии были выражены в книге «Столп и утверждение истины» (1914). В последующих трудах он заявил о себе как о видном религиозном мыслителе и ученом-энциклопедисте. Флоренский оставил заметный след в философии математики, истории философии, искусствоведении, богословии, литературоведении и т. д. С 1921 по 1933 г. Флоренский являлся научным сотрудником Государственного экспериментального электротехнического института. За весь период работы в нем опубликовал свыше 225 статей технического содержания. После ареста в 1933 г. публикация его трудов была прекращена.

Вся многогранная творческая деятельность была предметом внимания и Вернадского. Так, в дневниковой записи от 27 февраля 1921 г. находим упоминание о книге Флоренского «Столп и утверждение истины» (1914): «Книга кажется очень интересной. Я страшно ценю самостоятельное творчество, какую бы форму оно ни принимало. Здесь чувствуется сильная и оригинальная личность» [1, с. 194].

Много лет спустя такая оценка этой работы Флоренского повторяется Вернадским и в его письме от 21 мая 1943 г. президенту АН СССР В. Л. Комарову: «Флоренский... теолог и философ, очень выдающийся человек, кончивший математический факультет, в советское время долго заведовал какой-то лабораторией... Это редкое совмещение богослова и экспериментатора и математика указывает на его талантливость. Я помню, когда я был еще профессором в Москве, его диссертация в Духовной Академии – Столп и утверждение истины – произвела огромное впечатление. Я прочел потом эту книгу и нахожу ее чрезвычайно интересной» [1, с. 194]. Чем же могла заинтересовать Вернадского вышеназванная книга Флоренского? Видимо, уже первыми страницами, на которых описываются особенности наступающей осени: «В ветреных вихрях кружились и змеились по земле золотые листья. Стаями загуляла птица. Потянулись журавли, заиграли вороны да грачи. Воздух напитался прохладным осенним духом, запахом увядающих листьев» [2, с. 10]. В такую пору душа человека стремится к постижению истины как знания о сущности природы и других вещей, осмыслению «единства Истины, Добра и Красоты», как процесса познания – «реального единения познающего и познаваемого» [2, с. 10]. Для сознательного материалиста Вернадского все они имели значимость, «вписывались» в его мировоззрение и нашли свое воплощение в его научных и философских трудах.

«Оригинальной» была и идея космизма, которую обосновывал Флоренский. Она в корне отличалась от космических воззрений Вернадского, который, однако, не отвергал содержания космических представлений своего ученика. В чем же выражалась особенность идей Флоренского относительно системы «космос – биосфера – человек»? Имело ли место влияние Вернадского на становление отмеченных идей? Эти вопросы будут предметом нашего анализа. Но их анализ будет плодотворным только при выявлении предпосылок идей космизма у русского мыслителя Флоренского.

«Все микрокосмическое – макрокосмично, все макрокосмическое – микрокосмично» (П. А. Флоренский)

При поиске ответов на поставленные вопросы следует иметь в виду, что первоначально свои космические воззрения Флоренский разрабатывал опираясь на многие идеи и положения первых представителей религиозно-философской ветви в русском космизме – Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева. Так, в лекции «Макрокосм и микрокосм» (1917) он подвергает уничтожающей критике существующую цивилизацию за порождение ею хищнического отношения человека к природе. Причем осуществляется все это в «духе Федорова»: «Трижды преступна хищническая цивилизация, не ведающая ни жалости, ни любви к твари, но ищущая от твари лишь *своей* корысти, движимая

не желанием помочь природе проявить сокрытую в ней культуру, но навязывающая насильственно и условно внешние формы и внешние цели» [3, с. 440].

Столь же очевидно и влияние представлений Соловьева о необходимости утверждения нравственного отношения человека к природе на соответствующие воззрения Флоренского. Последний практически повторяет суждения своего предшественника: «Человеку-мужу надлежит любить мир-жену (природу. – П. К.), быть с нею в единении, возделывать ее и ходить за нею, управлять ею, ведя ее к просветлению и одухотворению и направляя ее стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества, чтобы явился в твари ее изначальный космос» [3, с. 440]. Отмеченные представления Федорова и Соловьева были существенными элементами их космических идей. Подробно содержание этих представлений раскрывалось нами в книге «Природа и нравственность» [4, с. 123–130].

В этой же лекции Флоренский формулирует и свое видение отношения человека к природе, космическую выраженность своего мировоззрения. Для него «Человек и Природа взаимно подобны и внутренне едины. Человек – малый мир, *микрокосм*. Среда – большой мир, *макрокосм*» [3, с. 441]. Он говорит о том, что и человека можно называть «макрокосмом», а природу «микрокосмом», т. к. они «бесконечны» в своей организации. К тому же человек есть «часть природы» и «равномошен со своим целым». То же самое можно сказать и о природе. Она есть «часть человека». Так понимал этот космист соотношение человека и природы в свой ранний период творчества.

Конкретно о связи своих космических представлений и идеями Федорова и Соловьева Флоренский говорит в лекциях, прочитанных в Москве в 1918–1920 гг., которые составили содержание труда «Философия культа», впервые опубликованного в 1977 г. В этом труде его понимание культа как единства материального и духовного мира описывается в «терминологии *общего дела* Н. Ф. Федорова» [5, с. 157]. Здесь же подчеркивается солидарность идей Флоренского с положениями концепции всеединства Соловьева и его символизмом. Более того, Флоренский называет и себя сторонником символизма: «Я всегда был символистом» [6, с. 154], – говорил он, но уже в другой работе. Он входил в число представителей второй волны молодых символистов (Блок, Белый, Вяч. Иванов и др.), дружил с Андреем Белым, печатался в существовавших в начале XX в. «символических» журналах России. Эти поэты являлись и представителями литературно-художественной ветви в русском космизме.

Но символизм Флоренского существенно отличался от идей как первых представителей символизма (Соловьев, Брюсов и др.), так и символистов второй волны. В отличие от них философ Флоренский обращает внимание на онтологическую сторону символа. Для него первостепенное значение имело выявление объективного в символе. Он подчеркивал, что его «ум всегда был занят познанием конкретного» [6, с. 154]. Причем эта специфичность символа четко проявляется в обосновываемом им содержании культа.

Он, следуя традиции русской религиозной философии, раскрывает особенности культа (таинства, богослужения, обрядности), его место в русском православии. При этом Флоренский отмечает, что в культе должна «освящаться» и «вся природа, во всех ее явлениях». «Она вся, – писал он, – вводится в культ и через культ соотносится с человеком в его собственной человеческой жизни» [5, с. 299–300]. В силу этого и во всех «культовых действиях» человека должна осуществляться его связь с «жизнью природы» и «перекристаллизироваться в культе». Именно в нем «все микрокосмическое – макрокосмично, все макрокосмическое – микрокосмично» [5, с. 300]. В процитированном суждении фиксируется единство микрокосма и макрокосма как двух форм бытия. В нем выражается и космизм мышления его автора. Для подтверждения ска-

занного обратимся к анализу представлений Флоренского о сущности понятия «макрокосм».

У Флоренского это понятие использовалось для обозначения природных объектов и их «бесчисленных проявлений» [5, с. 278]. Они же являлись и зеркалом или символом макрокосма, Вселенной, мира в целом. Такие объекты были предметом его внимания и любви уже с самого раннего детства. Он чувствовал даже воздействие этого мира на свое тело. Оно, «как залив или бухта, отражает каждую волну великого океана, космоса». Причем каждая часть космоса «со всех сторон» влияет на его тело. Вот почему и в «теле своем мы ощущаем весь космос» [6, с. 428, 429]. Все отмеченное и определило внимание Флоренского к космосу. В труде «Детям моим. Воспоминанья прошлых дней» он писал, что его «единственной возлюбленной была Природа». Далее он называет объекты природы, которые были предметом его особой любви: «Любил он воздух, ветер, облака, родными ему были скалы, близкими к себе духовно ощущал минералы, особенно кристаллические, любил птиц, а больше всего растения и море» [6, с. 70].

Флоренский пытался видеть объекты в их взаимосвязи и зависимости от природы как целостного образования. Он чувствовал, что «минералы, различные природные явления, в особенности многие цвета, запахи и вкусы были пронизаны глубинной энергией природы...» [5, с. 89]. Но эта «энергия» не фиксировалась органами чувств, а потому истинное понимание природы может дать только наука. Эту возможность науки Флоренский видел в том, что «научное познание устанавливает общность, где ее раньше не было видно, разыскивает промежуточные явления между крайностями, мостит мосты для перехода через дотеле непроходимые бездны, вообще смазывает четкую раздельность мира, притупляет пафос различия» [6, с. 87].

Но все вышесказанное не означает принижение Флоренским чувственного восприятия природы. Он демонстрирует исключительную наблюдательность при общении с природой, при этом формулируя и некоторые теоретические выводы. Подтверждением сказанному могут быть его оценки природы Кавказа, где прошло его детство: «Кто не видывал собственными глазами лесов Черноморского побережья (Кавказа. – П. К.), и в особенности аджарских, тому трудно дать представление о преизбытке растительной жизни, делающей здешние заросли сплошным клубком сплетающихся между собой стволов, гибких стеблей, растительных плетей, веток. Растения тут громоздятся друг на друга; разные виды плюща снизу доверху обрастают стволы каштанов, ясенев, дубов, диких яблонь и груш и т. д.» [6, с. 108].

Раскрытие многообразия и единства растительного мира Аджарии продолжается Флоренским и далее. Особенно впечатляюще описывается «преизбыток» цветоносных растений, их «безмерное благоухание». Все это описывалось в 1923 г. в труде Вернадского «Биосфера» (1926) отмеченный переизбыток жизни выражается научными понятиями: «растекание жизни», «полнота жизни», «давление жизни», концепцией «геохимической энергии жизни в биосфере». Так независимо друг от друга эти мыслители сходным образом характеризовали природу.

П. А. Флоренский отмечал и то, что его переход к пониманию многообразия и единства природы произошел под влиянием постижения трудов Лапласа и Лайеля, Дарвина и Геккеля. Их воззрения на природу «заняли прочное место в его душе». Более того, «глубоко затаилось в душе восприятие мира как живого и духовного, вся естественная символика природы, все волнения, нравственные и нежные» [6, с. 165]. Эти представления не могла поколебать в нем даже церковь. Он признавался, что «догматические понятия церкви остаются на периферии» его сознания и мировоззрения, в то время как «глубокая душевная жизнь руководится материализмом, эволюционизмом и механизмом» [6, с. 165].

Несомненно, эти методологические установки формировались у него под влиянием естественнонаучных знаний о природе. В этой связи он вынужден был констатировать и то, что в его «душевной жизни образовалась трещина, начало возникать раздвоение, трещина стала шириться и впоследствии привела к большому кризису» [6, с. 165].

«Созвучность» и различие идей В. И. Вернадского и П. А. Флоренского относительно космизма

На наш взгляд, «раздвоение» и «расширение трещины» в мировоззрении Флоренского в значительной степени было связано с восприятием положений труда Вернадского «Биосфера». В 1929 г. в одном из писем Вернадскому он писал, что научная концепция биосферы в корне изменила его представления о Космосе. Для него стало ясным, что Космос «не ограничивается» пределами существующей биосферы. Ее бытие находится в тесной связи с бытием Солнца и другими объектами Космоса. А раскрытые Вернадским место и роль живого в структуре биосферы Флоренский считает «событием огромной важности в истории общественного сознания». Для него «явления жизни» стали «космической категорией» [1, с. 197]. Но Флоренский не только анализирует основные идеи Вернадского о биосфере, но и высказывает и свои оригинальные мысли относительно сущности живого, биосферы и ее эволюции.

Так, он обращает внимание на своеобразие явлений жизни, на недопустимость использования метафизического подхода к постижению сущности живого и выводимости явлений жизни из «наивных моделей механики». Биосферная выраженность жизни свидетельствует о коренном отличии живого от неживого. Он указывает на возможность практического использования знаний о строении и организации живого в промышленных технологиях, выражая уверенность и в том, что промышленность будущего «станет биопромышленностью», а физика и химия под влиянием биологии «будут перестроены». Предвидение русского космиста в наши дни стало реальностью. Биотехнологии становятся факторами научно-технического прогресса многих видов материального производства, а биология вошла в число лидеров современного естествознания. Современные процессы биологизации и экологизации смежных с биологией дисциплин есть реальное подтверждение их «перестройки».

П. А. Флоренский высказал и оригинальную мысль относительно роли духовного фактора в преобразовании «вещественных образований» биосферы в качественно новое состояние – пневмосферу. Он полагал возможным признать положение о «существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа» [1, с. 198]. Причем этот «круговорот» несводим к «общему круговороту жизни». Он обращал внимание и на «особую стойкость вещественных образований» биосферы, «проработанных духом», допускал наличие таких образований и в Космосе в виде «особой сферы вещества». Аналогом такого вещества он считал «предметы искусства».

В процитированных суждениях Флоренский демонстрирует свое понимание будущего биосферы. Он не принимает положений Вернадского о роли человечества и научного знания в эволюции биосферы в новое состояние, которое в конце 30-х гг. его учитель назвал ноосферой. Флоренский остается приверженцем той позиции, которую он изложил еще в 1917 г. в лекции под названием «Макрокосм и микрокосм». В ней не признается значимость научных истин, т. к. они «весьма недолговечны... и чрезвычайно субъективны» и могут применяться лишь в отдельных областях и ветвях дисциплин. Напротив, «истины и символы религии всечеловечны и всеисторичны, в основе своей вселенски понятны и вселенски же приемлемы, оставаясь устойчивой осью истории...» [3, с. 442]. Они не могут «сдуваться вихрями времени». Далее выража-

ется уверенность, что если изложенные им мысли «будут обоснованы на признаниях религии и поэзии, то навсегда этим мыслям обеспечена современность и всякая живая душа найдет в себе им отклик, тогда как обоснования естественно-зрительные уже лет через двадцать будут наивны и приблизительны, как смешная старомодная шляпа» [3, с. 442]. Такая судьба, по убеждению Флоренского, ожидает естественнонаучное знание.

У Флоренского «символом религии» выступает «дух». Именно он будет «вовлекать» все материальное биосферы, в том числе и живое, в свой «круговорот» и обеспечит становление качественно нового состояния биосферы – пневмосферы. Но это духовное образование. Практически в те же годы подобные мысли высказывал и видный французский ученый и теолог П. Тейяр де Шарден.

В. И. Вернадский не стал комментировать вышеизложенные мысли Флоренского о будущем биосферы. В ответном письме от 13 октября 1929 г. Вернадский пригласил его на свой доклад «Изучение явлений жизни и новая физика», с которым он выступал в Московском обществе испытателей природы 16 октября 1929 г. В письме выражалась и уверенность в том, что их беседа позволит «ослабить то противоречие, которое наблюдается между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его постижением» [1, с. 199]. Нам неизвестно, имела ли место встреча и беседа этих мыслителей. Но доклад Вернадского был опубликован в виде статьи в 1933 г. Потом он неоднократно переиздавался под первоначальным названием.

В статье не только подтверждаются положения труда «Биосфера» о земном и космическом проявлении жизни: «Живое вещество создается и поддерживается на нашей планете космической энергией Солнца. Оно составляет на ней неразделимую часть земной коры – биосферы, неразрывную часть ее (организованности)» [7, с. 98]. В ней подчеркивается и возрастающая роль человека и его разума в изменении природных процессов, их ускорении: «С появлением на нашей планете одаренного разумом живого существа планета переходит в новую стадию своей истории» [7, с. 99]. Здесь еще не дается название этой «новой стадии». Только в конце 30-х гг. она получает название «ноосферы».

Идея «ослабления противоречия между научным и религиозным постижением Космоса» не могла не понравиться Флоренскому. Несколько позже в письме из Соловецкого лагеря сыну Кириллу от 8–17 февраля 1935 г. он писал о Вернадском: «Большинство мыслей, им высказанных, очень созвучны мне, я думаю о том же, хотя подходил с несколько иных отправных пунктов» [Цит. по: 8, с. 616]. В чем же конкретно проявляется «созвучие мыслей» Флоренского и Вернадского? Как следует понимать «иные отправные пункты» воззрений Флоренского?

Внук П. А. Флоренского доктор геолого-минералогических наук П. В. Флоренский данное «созвучие мыслей» видит в содержании понятия «пневмосфера». По его мнению, П. А. Флоренский «синтезировал в едином понятии свои религиозно-философские и естественно-научные воззрения» [8, с. 616]. С этим выводом можно согласиться только с учетом того, что естественнонаучные воззрения П. А. Флоренского были «своими», они не в полной мере «созвучны» биосферным идеям Вернадского, его космизму. Прежде всего это «несозвучие» касается трактовок биосферы. По Вернадскому, биосфера есть материальная, космоземная оболочка нашей планеты. У Флоренского биосфера «проработана духом», следовательно, в ней содержится и что-то нематериальное.

Для понимания сущности различий космических идей этих мыслителей следует воспроизвести, хотя бы кратко, становление и эволюцию их космизма. Так, космизм Вернадского стал формироваться в результате восприятия им религиозно-философских представлений Федорова и Соловьева, «космической поэзии» В. Брюсова и А. Блока, естественнонаучного космизма профессора Московского университета физика Н. А. Умова.

Космизм был условием и предпосылкой и его учения о биосфере и ноосфере. Более подробно обсуждаемая тема раскрывалась нами в специальной работе [9, с. 13–22].

Становление и эволюция космических воззрений Флоренского начинается с принятия им представлений о Космосе Федорова и Соловьева, продолжается через освоение биосферных идей Вернадского и завершается религиозной концепцией пневматосферы. В этом отношении он был прав, когда говорил только о «созвучии» своих космических воззрений с научно обоснованным космизмом Вернадского.

«Созвучие» идей учителя и ученика проявлялось не только в их воззрениях на биосферу и ее эволюцию, но и по другим проблемам. Так, в уже упоминавшейся статье внука Флоренского отмечается, что в архиве Вернадского имеется письмо Флоренского, направленное своему учителю, от 4 апреля 1936 г. В нем содержатся представления Флоренского о «значении асимметрических явлений в процессах, происходящих в биосфере, о пространстве – времени» в ней [8, с. 616]. В 1930-е гг. проблемы пространства и времени в неживой и живой природе, особенностей симметрии в них занимали внимание и Вернадского. Его суждения по этим вопросам отражались в соответствующих трудах ученого этого времени. В настоящее время они переизданы и составили основное содержание работы [7].

В. И. Вернадского и П. А. Флоренского объединяло и стремление постичь Истину, Добро и Красоту в окружающем их мире. Обосновываемые ими идеи космизма способствовали единению течений русского космизма в целостную концепцию и возвышению этого направления русской мысли. Но этот процесс в значительной мере определялся идеями и действиями Вернадского. Его учение о переходе биосферы в ноосферу – вершина естественнонаучного и философского творчества космиста. Ему удалось вскрыть космопланетарную роль научной мысли и труда человека как новой геологической силы, единство природных и социальных законов эволюции, возможности человека и человечества управлять природными и социальными процессами. Им выявлено единство и взаимосвязь традиционно обособленных течений в русском космизме. Его учение о биосфере и ноосфере есть конкретное выражение целостности русского космизма и основание космической идеи. Из всего сказанного становится понятным и то, почему он поддержал космическую идею своего ученика.

Переписка Вернадского с Флоренским велась с 1927 по 1935 г. Флоренский получал от Вернадского его печатные научные работы. Причем все это делалось и тогда, когда Флоренский находился в заключении. Он был одним из первых мыслителей, который видел глубину постижения земного и космического миров своим университетским профессором, поистине космическую выраженность его научного и философского творчества. В письме к своему сыну Кириллу от 29 января 1935 г., отправленному из Соловецкого лагеря, он писал: «Постарайся получить от Владимира Ивановича указания по работам, он единственный у нас ученый, мыслящий глубоко в области круговорота веществ в земной коре и один из самых глубоких натуралистов нашего времени в мировом масштабе» [1, с. 203].

К. П. Флоренский (1915–1982) с 1935 по 1942 г. являлся сотрудником Биогеохимической лаборатории АН СССР, которой руководил Вернадский. Переписку с ним учитель его отца вел даже тогда, когда Кирилл находился в действующей армии на фронте. К. П. Флоренский в 1960–70-е гг. провел большую работу по изданию рукописных трудов своего отца и Вернадского. В частности, он подготовил к изданию рукопись работы Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», которая готовилась им в годы войны. В 1965 г. под редакцией К. П. Флоренского она была опубликована. Себя он называл «ближайшим учеником» Вернадского [10, с. 16]. Кирилл был и последним учеником Владимира Ивановича.

В. И. Вернадского и П. А. Флоренского разделяла солидная разница в возрасте (19 лет), положение в научном сообществе. По-разному они понимали и трактовали будущее биосферы. В основе их творчества были разные философские основания. Но имела место и общность их судьб в определенные периоды жизни. Так, в годы гражданской войны «Вернадский испытал нечеловеческие трудности, два раза стоял на грани жизни и смерти, большевики вели его на расстрел» [11, с. 74]. В начале 1926 г. Вернадский под личную гарантию безопасности, данную наркомом здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко, вернулся в СССР из Парижа, где с 1922 г. читал лекции в Сорбонне и вел научные исследования. Однако в 1933–34 гг. он вновь стал объектом внимания, но уже советских чекистов. Были арестованы и осуждены его ближайшие соратники (Б. Л. Личков и др.), которым приписывалась вина за участие в созданной Вернадским враждебной стране партии [12, с. 920–930].

П. А. Флоренский первый раз был арестован в 1928 г. и выслан в Нижний Новгород, но в том же году благодаря хлопотам Е. П. Пешковой был освобожден и возвратился в Москву. Здесь вновь продолжилась его работа в уже упоминавшемся институте. Второй раз он был арестован в 1933 г. и осужден на 10 лет заключения, а в 1937 г. расстрелян большевиками.

Заслуживает внимания и следующий факт, о котором пишет П. В. Флоренский. Оказывается, П. А. Флоренский писал письма Вернадскому «не непосредственно, а через свою жену и сыновей» – будущих геологов Василия Павловича и Кирилла Павловича [8, с. 616]. Видимо, так Вернадский ограждался от внимания чекистов. Подробно содержание переписки Вернадского с семьей Флоренского освещается в работе [13, с. 80–98].

Заключение

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что при перечислении тех областей знания, в развитие которых внес вклад П. А. Флоренский, следует говорить и о его причастности к обоснованию русского космизма. Он развивал религиозно-философские воззрения на сущность космизма. Тем самым было продемонстрировано, что и в XX в. это течение русской мысли может обогащаться воззрениями мыслителей, придерживавшихся разных философских оснований. Об этом следует говорить и студентам в процессе преподавания им различных гуманитарных дисциплин, и прежде всего философских.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Переписка В. И. Вернадского и П. А. Флоренского // Новый мир. – 1989. – № 2. – С. 194–203.
2. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – 490 с.
3. Флоренский, П. А. Сочинения : в 4 т. / П. А. Флоренский. – М. : Мысль, 1991. – Т. 3. – 621 с.
4. Карако, П. С. Природа и нравственность / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2013. – 244 с.
5. Флоренский, П. А. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / П. А. Флоренский. – М. : Мысль, 2004. – 685 с.
6. Флоренский, П. Детям моим. Воспоминания. Из Соловецких писем. Завещание / П. А. Флоренский. – М. : Моск. рабочий, 1992. – 560 с.
7. Вернадский, В. И. Труды по философии естествознания / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2000. – 504 с.

8. Флоренский, П. В. Судьба двух идей / П. В. Флоренский // В. И. Вернадский: pro et contra : антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет / под ред. А. Л. Яншина. – СПб. : РХГИ, 2000. – С. 613–618.

9. Карако, П. С. Предпосылки и сущность космических воззрений В. И. Вернадского / П. С. Карако // Весн. МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2018. – № 1. – С. 13–22.

10. Флоренский, К. П. От редактора / К. П. Флоренский // Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2001. – С. 13–17.

11. Назаров, А. Г. Космизм в идее ноосферы В. И. Вернадского / А. Г. Назаров // Вестн. Междунар. Акад. наук (Рус. секция). – 2008. – № 1. – С. 73–76.

12. Аншин, Ф. Д. «Российская национальная партия» – зловещая выдумка советских чекистов / Ф. Д. Аншин, В. М. Алпатов // Вестн. РАН. – 1994. – № 10. – С. 920–930.

13. Переписка В. И. Вернадского с семьей Флоренских // Вопр. истории естествознания и техники. – 1988. – № 1. – С. 80–98.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.12.2019

Karako P. S. Pavel Florensky as the Representative of Religious and Philosophical Movement of Russian Cosmism

In this article we reveal the features of ideas of Pavel Florensky on Nature, biosphere of the Earth and their cosmic manifestation. The religious obsession of his cosmism. The role of cosmic ideas of Vladimir Vernadsky on the formation of Florensky's cosmism is emphasized. Attention is drawn to the similarities and differences of spiritual searches of these thinkers. It is concluded that Florensky was involved in the religious and philosophical movement of Russian cosmism.